
С. ПЛАТОН
Шаркунок
мелодрама

Сергей Платон

Шаркунок

мелодрама

Действующие лица:

Маша Савич, детдомовка, 14 лет.

Маруся Савич, детдомовка, 14 лет.

Мария Александровна Савич, пенсионерка, 80 лет.

Мария Илларионовна Савич, пенсионерка, 80 лет.

Илья Сергеевич Савич, сын Марии Александровны, москвич, архитектор, 44 года.

Сергей Ильич Одоевский, бывший директор провинциального завода, председатель совета ветеранов, 80 лет.

Никита Нуждин, сосед с первого этажа, 14 лет.

Люба Орлова, медсестра, 35 лет.

Лариса Мондрус, певица, 30 лет.

Аида Ведищева, певица, 30 лет.

В пьесе использованы оригинальные песни советских авторов, имена композиторов и поэтов даны рядом с текстами песен. Роли певиц может исполнить одна актриса (синхро-буфф или вокал).

Композиционное решение сценической площадки предполагает массу вариантов. При этом есть несколько принципиальных тем, которые сценограф должен учесть в своей работе. Было бы актуально, если бы задник точно повторял графику оформления съемочной площадки знаменитых «голубых огоньков» 70-х годов прошлого века на Шаболовке, то есть, «паутину» Шуховской башни.

Слева необходимо расположить прямоугольный конторский стол (обозначение пространств заводского кабинета и поликлиники). Справа — один или два мусорных контейнера (обозначение двора). Ближе к авансцене — два круглых стола (обозначение кухонь и столиков зрителей). Рядом со столами — необходимое количество разнообразных и разностильных стульев.

У задника — овальный подиум, на котором станут выступать певицы, возможно, в сопровождении настоящего вокально-инструментального ансамбля в модных одинаковых пиджаках.

Сцена 1

За круглыми столами, спиной к зрителю, сидят герои спектакля. На подиум выходит Лариса Мондрус. Общий свет гаснет, софиты высвечивают центр подиума.

Лариса Мондрус *(поет)*.

У всех по-разному любовь рождается.
У всех по-разному, но сердце ждет.
И ожидания вознаграждаются —
Придет когда-нибудь и твой черед.
Придет когда-нибудь и твой черед.
С небес покатится звезда-горошина.
Улыбка светлая вблизи мелькнет.
И пожелают вам всего хорошего —
Придет когда-нибудь и твой черед.
Придет когда-нибудь и твой черед.

Из левой кулисы выходит Люба, она несет проигрыватель и пачку виниловых пластинок в потрепанных конвертах. За ней, через плечо, наблюдает Илья. Люба проходит по авансцене, оставляет свою ношу на мусорной площадке, возвращается, садится за конторский стол. Илья подходит к контейнеру, склоняется над грудой пластинок.

Мечты заветные однажды сбудутся.
Не через день, пускай, так через год.
Морозы лютые весной забудутся —
Придет когда-нибудь и твой черед.
Придет когда-нибудь и твой черед.
Любовь рождается у всех по-разному.
Но свадьбам издавна потерян счет.
Пусть не свою тебе сегодня праздновать —
Придет когда-нибудь и твой черед.
Придет когда-нибудь и твой черед.

(Е. Птичкин — И. Шаферан)

Все сидящие за столиками аплодируют, певица раскланивается, уходит. Свет фокусируется в левой части сцены. Участники спектакля медленно расходятся по кулисам. Последним уходит Илья.

Кабинет в поликлинике. У стола сидят Люба и Мария Илларионовна.

Мария Илларионовна. Ой, Любонька, как же ты походишь на Любовь Петровну! На киноартистку, на Орлову. Знаешь такую?

Люба. Да, вы говорили уже. Знаю.

Мария Илларионовна. У тебя вот какая фамилия?

Люба *(смеется)*. Да Орлова, Орлова. В договоре же написано было. А еще у вас копии всех моих документов там, в той папочке лежат. Вы же их только на вкус не попробовали, раз на сто перечитали. Неужели имя и фамилию забыли?

Мария Илларионовна *(лукаво)*. Да ты что? Вот ведь как бывает! И прическа, и обхождение. И зовут Любовь Орлова. Это мне тебя бог послал на старость. Дай бог тебе, девонька, здоровьица!

Люба. Это вам дай бог здоровья, тетя Маша! Такое дело для меня сделали! Я вам теперь навсегда обязана.

Мария Илларионовна. Маней меня зови... или Марусей... Меня всегда так звали.

Люба. Хорошо, тетя Маруся. После работы по магазинам хочу пройтись, что-нибудь купить?

Мария Илларионовна. Молочка там... колбаски... сигареток... хлебушка...

Люба. Вечером занесу. И не ходите вы сюда. Я укольчики и дома поставить могу.

Мария Илларионовна. Как не ходить, ходить обязательно надо. А то засохну совсем. Вон какая весна идет, и мне хочется идти, на весну смотреть. Красиво... Хорошо... Идешь, весну смотришь. Весна такая теплая, мокрая. Я нынче на улицу, как в баню хожу. Пока соберусь, пока доползу, пока обратно доковыляю, пока пластинки послушаю — вот и денёк скоротала. Доживаю уже. Не живу уж теперь, пережидаю жизнь.

Люба. Ну-ну-ну... Вы это бросьте. Вот подлечитесь немного, сразу дом отдыха вам подберем поприличней. Там и погуляете, а пока аккуратнее надо с нагрузками обходиться.

Мария Илларионовна. Это курорт?

Люба. Курорт-курорт...

Мария Илларионовна. Спасибка... По весне бы на курорт успеть...

К столу, опираясь на трость, подходит Мария Александровна. Пристально оглядывает сидящих. В руках у нее матерчатая сумка и пухлая амбулаторная карта. Нерешительно протягивает в сторону Любы клочок бумаги.

Люба. Подождите.

Мария Александровна не уходит. Пауза.

За дверью!

Мария Александровна. Что?

Люба. Сколько раз повторять? Плохо слышно? За дверью подождите!

Мария Александровна. Я уже тридцать минут вас жду. У меня позвоночник! Ой, нет! Как его? Это... У меня талончик!

Люба. Женщина, за дверью подождите! За дверью! Там кушетка. Можно посидеть.

Мария Александровна направляется к выходу.

Мария Илларионовна *(крутит пальцем у виска)*. Совсем плохая уже стала! Головы нет! В дом старчества пора! *(Пауза.)* Так... Померяй мне давленье, Любушка.

Люба *(смеется)*. Измеряли ведь уже.

Мария Илларионовна *(лукаво)*. А мне, когда ты меряешь, полегче делается очень. Прямо, как лекарство помогает.

Люба. Ну, давайте...

Мария Александровна бросает сумку, возвращается к столу, пытается ударить тростью резво вскочившую Марию Илларионовну. Та уворачивается и ловко перехватывает трость. Обе старухи, выкручивая руки, стараются завладеть тростью.

Тихо-тихо-тихо! Женщина, вы что, с ума сошли?

Мария Илларионовна *(сквозь зубы)*. Гадина!

Мария Александровна *(сквозь зубы)*. Сволочь!

Мария Илларионовна. Отдай костыль, Машка, не дури!

Мария Александровна. Сама не дури! Что ты мне вечно душу выматываешь, Маня? Что ты цепляешься всегда? Оставь меня в покое!

Мария Илларионовна. Гроб тебе, а не покой! Вспомнила шаркунок? Подавись ты им! Подавись, гадина!

Мария Александровна. Сволочь!
Люба. Женщины, что вы? Перестаньте, пожалуйста!
Мария Илларионовна. Погань!
Мария Александровна. Дрянь!

Нарастает музыка, свет гаснет. Старухи и пытающаяся их разнять Люба, продолжая бороться, скрываются в кулисах. Вновь освещается подиум, на котором стоит Лариса Мондрус в новом концертном костюме.

Сцена 2

Лариса Мондрус *(поет).*

Вновь ничего не забыла весна —
Шорохи листьев, рассветы и ливни.
В небе ночном плывет луна
Над молчанием улиц длинных.
На земле большой в этот час
Все для тех, кто ждет — все для нас.
Почтальонам спешить, и опять, опять
На столбах проводам не спать.
На земле большой в этот час
Все для тех, кто ждет — все для нас.
Самолеты летят, корабли плывут
В те края, где любимых ждут.
Ты привезешь, только ты привезешь
Пение птиц и цветущие вишни.
Вновь босиком весенний дождь
Будет бегать по теплым крышам.
На земле большой в этот час
Все для тех, кто ждет — все для нас.
Почтальонам спешить, и опять, опять
На столбах проводам не спать.
На земле большой в этот час
Все для тех, кто ждет — все для нас.
Самолеты летят, корабли плывут
В те края, где любимых ждут.
Ты приезжай, я давно тебя жду,
Ты торопись, я не знаю, что делать.
В городе май, а я иду
По январским сугробам белым.
На земле большой в этот час
Все для тех, кто ждет — все для нас.

Почтальонам спешить, и опять, опять
На столбах проводам не спать.
На земле большой в этот час
Все для тех, кто ждет — все для нас.
Самолеты летят, корабли плывут
В те края, где любимых ждут.

(П. Аедоницкий — Л. Дербенев)

Аплодисменты. Певица уходит. Из правой и левой кулисы появляются Маша и Маня. В руках у Мани — огромный арбуз. Обе девчонки уютно укладываются на авансцене лицами к зрителю, упираются подбородками в арбуз.

Пустой товарный вагон. Слышится стук колес.

Маша. А Гитлер, какой?

Маня. Гадкий, худой, противный... Волосы у него немытые всегда... Нам же его по кинохронике на станции показывали. Помнишь?

Маша. Нет.

Маня. Кулёма.

Маша. Сама ты кулёма.

Маня. Орет как дурак. И усы у него квадратные...

Маша. Сволочь. *(Пауза.)*

Маня. Гадина. *(Пауза.)*

Маша. Ты вот зачем арбуз притарабанила? Скиснет на солнце-то...

Маня. Ничо не скиснет. Слупасим, как миленькие.

Маша. Уссымся же! Савич говорила, станций не будет до ночи.

Маня. Ничо не уссымся. Чо ты? Обеда же тоже не будет. Вагон со столовкой бомбанули вчера. А мы им и наобедаемся.

Маша *(смеясь)*. Вагоном?

Маня. Арбузом.

Маша. Фу, он же теплый будет.

Маня *(смеясь)*. Вагон?

Маша. Арбуз!

Маня. Он и был теплый. Они всегда теплыми растут. Их уже потом, когда сорвут, на леднике охлаждают, чтобы они жажду людям утоляли.

Маша. Ух! Гляди! Лён цветет!

Маня. И чо?

Маша. Красиво.

Маня. Да... Лён-конопель... Синее такое всё... А это лён? Я думала он коричневый...

Маша. Дурочка. Он потом коричневый, когда из него веревки делают и тряпки. А когда пока цветет — он синий-синий очень, как незабудки. Видишь?

Маня. Дай шаркунок!

Маша *(сцепив кулачком ворот рубашки)*. Не-а...

Маня. Ну, дай... Я же отдам потом...

Маша. Ты мне тогда два дня не отдавала. От самого Николаева... И в тупике когда стояли... Не дам, не проси.

Маня. Жадина-говядина, пустая шоколадина!

Маша. Ну и пусть! Зато у меня мой шаркуночек есть!

Маня. Жмотина!

Маша. Ну и пусть! Ты же тогда как-то не так обзывалась?

Маня. Буржуйка?

Маша. Нет.

Маня. Жадница?

Маша. Да! *(Смеется.)* Жадница... *(Смеется.)* И жадная, и задница...

Маня. Не дашь, я с тобой вообще разговаривать не буду до вечера. Дай!

Маша. Маня, не попрошайничай, пожалуйста. Он же мой. Он же только у меня должен быть. Я же его нашла.

Маня. Я его нашла! Я первая увидела.

Маша. А подняла его я! Значит — мой!

Маня. И мой! Я же не насовсем, на денёк только. Желание загадаю, и всё. Дай?!

Маша. Пионерка, а в сказки веришь. Не дам.

Маня. Всем расскажу, что ты сама тоже пионерка, а сама у боженьки просишь!

Маша. Не прошу, а загадываю! Не у боженьки, а у шаркунка!

Маня. А он взаправду желания исполняет?..

Маша. Смотри, уж сколько едем, а лён всё не кончается. Синий-синий, как море.

Маня. Ага... Синий-синий, как небо... Красиво... Хорошо...

Маша. А вон там журавли летят, смотри!

Маня. Да, опять снова летят. Какие-то они маленькие. Может быть, это утки?

Маша. Нет, журавли!

Маня. Утки!

Маша. Журавли. Просто они далеко.

Маня. Да...

Пауза.

А наши парни, дураки, все на фронт убежали.

Маша. Как это?

Маня. Так это! Еще утром на станции. Спать надо меньше. Савич как сирена орала, а чо орать-то? Всё! Тю-тю! Догонять их не стали. Телеграммы на прошлые станции пульнули, с приметами по списку, и всё. Вояки! Твой

Пашечка их подзудил, наверное. Вертля! Сели на встречный товарняк и укатили. Даже все средние отряды тоже. Пашка их подговорил. Блоха на гребешке! Теперь у нас из-за него целый эшелон малышни и баб. Приедем на Урал, нам скажут: «давайте, делайте гранаты», а мы скажем: «мы не можем, у нас парни на фронте, а малышня обсёрлась».

Маша. А... как же?..

Маня. Так же!

Маша. И Паша убежал?

Маня. Тетеря сонная. Я думала, ты знаешь...

Маша. Мы же звезду смотреть хотели ночью.

Маня. Теперь вдвоем посмотрим. Что ее смотреть? Она уже три дня за нами едет.

Маша. Мы же загадали, если она отстанет, значит, мы уже приехали в новую жизнь.

Маня. Так это же Полярная звезда. Не знаешь ничего по географии! На Украине ее не было. А тут она везде висит. Вот ночью поглядишь, она опять поедет рядом с нами. Понимаешь? Мы, получается, уже приехали! А он давным-давно в другую сторону поехал. Назад, где нет звезды... Обратно...

Маша. *(Плачет.)* Его убьют!

Маня. Маш, ты чо, влюбилась? *(Пауза.)* Бедная! Ты не волнуйся, может, он героем станет. Война-то скоро кончится. А он поймает Гитлера. А мы ему гранат наделаем на Уралмаше. Мы же без парней гранаты сможем делать? Правда? Да?

Маша. Убьют его! Убьют...

Маня. Маша, что ты говоришь? Кому он нужен, твой этот Пашка-вошка? Из-за него, что ли, немцы на нас войной напали? А на фронте кормят хорошо, каждому дают две банки тушенки в день! Сколько можно порчеными помидорами, грушами и арбузами пробавляться по овощным вагонам? Хоть мяса парень поест досыта. Еще и Гитлера убьёт. К Новому году приедет в орденах и медалях. Не реви ты, глупая! Все же хорошо! Наше дело правое, победа будет за нами!

Маша. Хорошо... *(Пауза.)* Ты сама придумала его вошкой дразнить?

Маня. Я придумала! Сама!

Маша. Смешно.

Маня. Вернется, вместе посмеемся... Не реви...

Маша. Хорошо, что мы с тобой! Давай, всегда вместе будем.

Маня. Будем-будем! Мы и так всегда вместе были. Ты вот помнишь, где нас поймали?

Маша. На рынке... под прилавком...

Маня. А город помнишь?

Маша. Нет. Башню помню и собак.

Маня. Ну, собак я тоже помню, спать с ними в обнимку тепло было. Да зай, когда большими вырастем, собак себе заведем больших? Пойдем на улицу и подберем себе пару бродячих псин, на наших тех похожих. Возьмем?

Маша. Возьмем. А мы еще не выросли?

Маня. Нет. Надо в комсомол вступить сначала.

Маша. Смотри, а лён всё не кончается...

Маня. Ты не отвлекайся. Надо же знать, откуда мы взялись. Я, кроме шаркунка, вообще ничего толком не помню. Базар, башня, собаки, шаркунок...

Маша. Там еще трамваи были. Много трамваев...

Маня. Точно! Значит, город был большой! Киев? Одесса?

Маша. Да не похоже. Холодно там было. Помнишь, нас привезли к детдому, будто кукол завернутых? Помнишь? В больших и длинных полушубках. Таких зипунов на Украине не бывает. Может, мы из Москвы?..

Маня. Эх, Машка, Машка, беспризорная ты моя душа!

Маша. Маняшка, Маняшка, подружайка ты моя сердечная!

Пауза. Маша утыкается в плечо подруги, плачет.

Маня. Не плачь, Машка. Подождать немного надо. Вернется твой живчик. Мы же девочки. Дождемся, пока мальчишки гадов победят. Все опять хорошо потом будет. Костры будем делать, песни петь. Смотри, какие здесь вечера быстрые. Раз — и темно. Вот она и звезда твоя, как миленькая. Солнышко еще не закатилось толком, а уже и луна, и звезды!

Маша. Где это?

Маня. Гляди, плакса!

Маша. Ой! Маруся, глянь! Вот же она опять!

Маня. Я же тебе говорила. Так и приедем мы с ней. Почти приехали.

Маша. Скорей бы уж. *(Пауза.)* Буду ждать. Я дождусь.

Маня. Подожди. Уже скоро. Видишь, льна уже не видно, коричневый опять уже.

Маша. Это потёмки потому что. Так-то он синий.

Маня. Синий... Да... Дай шаркунок!

Маша. Ты что? Не поняла? Не дам!!!

Маня. Тогда я завтра с тобой не буду разговаривать! Бойкот тебе будет!

Маша. Ну, и не разговаривай.

Маня. Ну, и не буду!

Маша. Ну, и не надо!

Маня. Жадница!

Маша. Передница!

Маня. Я тогда к малявкам ночевать пойду, а ты тут сама свои звезды считай! И не забудь двери на ночь задвинуть, а то опять выстудит весь вагон.

Маша. Не уходи, Маня!

Маня. Люби меня, как я тебя, и будем верными друзьями! Завтра — молчок! Я с тобой, Машка, не разговариваю! Кошка сдохла, хвост облез, кто слово скажет, тот и съест! *(Уходит.)*

Маша забирает арбуз, плетется в другую кулису.

Сцена 3

На подиум выходит Лариса Мондрус и ансамбль.

Лариса Мондрус *(поет)*.

Мне в ночи поезда
Как тревога и беда.
И не сплю я до самой зари.
А любовь моя — синяя звезда.
Про весну мою что-то говорит.
Или дождь, или снег,
Или ветер поет.
А любовь, как зайчик на стене.
Я ладошкой накрою ее.
Или да, или нет, или нет.
И зимой, и весной.
Неразлучная со мной.
От нее никуда не уйти.
Ты — любовь моя — чайка над волной.
Руку протяну — она летит.
Или дождь, или снег,
Или ветер поет.
А любовь, как зайчик на стене.
Я ладошкой накрою ее.
Или да, или нет, или нет.
На подушку ко мне
Звезды падают во сне.
И рассвет за окошком дрожит.
А любовь моя — зайчик на стене.
Солнце в облака и она бежит!
...
Я ладошкой накрою ее —
или да, или нет, или нет...

(Б. Ренский — П. Леонидов)

Мусорная площадка во дворе. У контейнера, на корточках, сидит Илья, сосредоточенно рассматривая проигрыватель и пластинки. Из левой кулисы выходит Люба. В руках у нее несколько старых пальто. Подходит, развешивает пальто по краю контейнера.

Илья *(поднимаясь)*. Здравствуйте.

Люба. Здрасьте.

Илья. Извините, вы Орлова?

Люба. Орлова. И чего?

Илья. Моя фамилия Савич.

Люба. Ну и что?

Илья. Я сын Марии Савич.

Люба. Не было у нее сына.

Илья. Нет, вы не поняли, я сын Марии Савич, только что из Москвы приехал.

Люба. Да хоть из Парижа! Нет в документах никакого сына.

Илья. Нет, подождите. Давайте с самого начала. Вы живете во втором подъезде?

Люба. Ну.

Илья. На третьем этаже?

Люба. И что?

Илья. Прошу прощения, сейчас попробую все связно рассказать. Так, сначала. *(Пауза.)* Когда я начал оформлять нашу квартиру...

Люба. Фига себе! Как это «оформлять квартиру»? Схуяли это баня пала?! Всё там оформлено, всё по закону. Сначала была рента, потом дарственная. Нечего там оформлять. Дарственная обратной силы не имеет.

Илья. Извините, как вас зовут?

Люба. Любовь.

Илья. Меня зовут Илья. Вы меня, Любовь, простите, пожалуйста. С этими переживаниями не соображаю ничего. Я пришел оформлять нашу квартиру...

Люба. Моя это квартира!

Илья. Ваша, ваша! Я начал нашу оформлять и узнал, что тетя Маня тоже умерла.

Люба. Ничего не понимаю. То сын, то тетя...

Илья. Я сын Марии Александровны Савич. Приехал из Москвы...

Люба. Фу ты, блин. *(Смеется.)* Значит, у них и имена были одинаковые?

Илья. И квартиры одинаковые. Обе на третьем этаже, только в разных подъездах.

Люба. Всех запутали эти старухи! Ну? Что?

Илья. Хотел узнать, как они жили.

Люба. Паршиво жили. Разосрались под конец. Не разговаривали, дрались.

Илья. Дрались?

Люба. Дрались... А я их разнимала. У вашей мамы был вообще крутой характер. Всех строила, подругу изводила, в смысле Илларионовну, а нашу наркоту дворовую так и не победила.

Илья. Кого?

Люба. Пациков подъездных. И зачем к ним лезла? Переживала очень, воспитывала, ругалась, пальчиком грозила. Так в таком возрасте нельзя переживать. Она же от инсульта умерла. А этим хоть бы хер, так и ширяются. Больше всех ее доставал Никитка из первой квартиры, но она заяву не писала, жалела его почему-то.

Илья. Как долго это продолжалось?

Люба. Весь последний год.

Илья. А отчего тетя Маруся умерла?

Люба. Просто от старости. В дом отдыха поехала, разволновалась в поезде и умерла. Тоже упрямая была. Я же предупреждала, запрещала ехать, но она уперлась. А это — нарушение динамического стереотипа. Этого нельзя... *(Пауза.)* Это... Как вас?..

Илья. Илья.

Люба. Вы это... Если узнали, что хотели, во дворе ко мне не подходите больше. Муж у меня ревнивый. Понимаете? И что за разговоры на помойке? Если понадобится, лучше в поликлинику зайдите, я теперь в регистратуре сижу.

Илья. Хорошо... Спасибо...

Люба уходит. Илья собирает пластинки, кладет их на проигрыватель, уносит за кулисы.

Сцена 4

На подиум выходит *Лариса Мондрус.*

Лариса Мондрус *(поет).*

Память падает на плечи
Как сырой февральский снег.
Отчего, сама не знаю,
Но припомнилось вдруг мне —
Точка, точка, запятая,
Минус рожица кривая,
Палка, палка, огуречик —
Вот и вышел человечек.

В детстве дом построить просто,
Чтобы был он сосен выше.
Нарисую угол острый,
И живу под синей крышей.

А у дома нарисую
Огуречик и кружок.
Вот и вышел человечек,
Закадычный мой дружок.
Мне рябиновое лето
Просыпаться не велит.
На рисунке осень с веток
Обрывает желтый лист.
Со двора холодный ветер
Гонит детство за порог.
Убегает человечек,
Закадычный мой дружок.
Сколько лет тебя ищу я,
Как вчера из дома вышел.
Сколько лет тебя зову я,
Только ты меня не слышишь.
За твоим окошком вечер
Звезды белые зажег.
Где ты бродишь, человечек?
Закадычный мой дружок...

(Б. Ренский — П. Леонидов)

К финалу песни за круглые столы усаживаются Маша и Маня, на них красивые сатиновые платья и сизые телогрейки. Под восторженные аплодисменты девочек музыканты уходят.

Заводское общежитие. Ночь. За стеной наперебой звучат патефон и гармонь.

Маша. Танцуют...

Маня. Пляшут, да... Пойдем к ним?

Маша. Ты иди, я тут побуду. Лихо мне...

Маня. Заболела же! Валенки не одела, вот и снемогла ты, хвороба! *(Приносит валенки.)* Сейчас-то хоть ноги погрей. Поотмечала Новый год, кулёмушка. «Некрасиво-некрасиво»... Двадцать градусов мороза на дворе, снега по колено, а мы до клуба прёмся в туфельках-чулочках...

Маша. Я же в ботиках ходила...

Маня. А хорошо мы добежали, да? Парни с тарного цеха хорошие! Провожать назад пошли. Только ноги у них у всех короткие. Тут они у всех короткие. Некрасивых много тут живет. Я у них «Казбеком» дзобнула два раза. А на горке я чуть не убилась! А у тебя рейтузы было видно!

Маша. Да?

Маня. Да никто и не заметил, все снежки бросали. Много тут у них снега.

Маша. Да, снега здесь много... Такой красивый... Как алмазы сверкает под луной... Все дома, все крыши в белых шапках... Черного ничего нет. Только белое небо высокое. И тихо-тихо. Всё блестит, как серебро...

Маня. А я не видела алмазов никогда.

Маша. И я не видела.

Маня. А говоришь.

Маша. Алмазы тихие, как серебро... и белые, как серебро... се-ре-бро...

Маня. У-у... Что-то совсем ты разнедужилась, и заговариваешься, подруга. Горишь ты, Маша! Красная вся! Ой! От простуды малярии не бывает?

Маша. Нет, не бывает. Она от комаров малярийных бывает летом, а сейчас зима, комаров нет. *(Плачет.)* И наших малышей ни одного уже нет. Все умерли тихонечко. Комарики маленьких деток покусали. Война. Все поумирали...

Маня. Чо ты нюнишься опять? Маленькие и без войны мёрли завсегда. Это они от малярии. Ты вот к ним ходила. Может, заразилась?

Маша. Нет, это от мокриц.

Маня. Каких мокриц?

Маша. А я дежурила по кухне, Савич щи готовила, я и поела миску.

Маня. Ну и что такого?

Маша. Савич слепая стала. Думала, что мелкий лук, а это мокрицы были, истопник насобирал в кастрюльку. Она взяла да и сварила их. А я поела.

Маня. Фу...

Маша. Да... Фу... Они сейчас во мне шевелятся...

Маня. Фу ты, Машка! Что городишь? Как им шевелиться, когда они вареные?

Маша. Не знаю, Маня. Но они меня жрут.

Маня. Совсем плохая стала! Завираешься совсем. Сейчас я уксус принесу, компресс поделаем, чтоб жара не было. Сиди, молчи. *(Убегает.)*

Маша. Не надо, Маня...

Маня *(возвращаясь)*. Надо-надо. Вот... *(Накладывает компресс.)*

Маша. Вот и будет тебе шаркунок...

Маня. Наконец-то... сподобилась...

Маша. Когда помру.

Маня. Так. *(Пауза.)* Значит, опять не сейчас?

Маша. Нет.

Маня. Вот ведь до чего упрямая корова! Дай!

Маша. Не дам.

Маня. Так вот ты всегда во всем! Гордая очень! Так и проупрямишься всю жизнь. Сережка-то, очкарик, какие хороводы вокруг тебя выплясывал сегодня. Употелся парень. Любит, видно. А ты ни разу с ним не поплясала. Не нравится?

Маша. Нет.

Маня. Совсем-совсем?

Маша. Ну, так...

Маня. А почему?

Маша. Не знаю.

Маня. А я знаю!

Маша. Почему?

Маня. Дашь шаркунок, скажу!

Маша. Ну, и не говори!

Маня. Ну, ладно, так скажу! Это потому, что он не убежал с парнями. Да? Все-все рванули, он один остался. Да? Ты его за это и не любишь. Правда?

Маша. Не знаю я.

Маня. Не любишь, я же вижу хорошо. А он симпотный. В комсомол вступил уже. Я его, наверное, люблю...

Маша. Если «наверное», то не любишь. Любят не наверно, а наверняка.

Маня. Я, может быть, наверняка? Откуда ты знаешь?

Маша. Не любишь.

Маня. Это почему это?

Маша. Потому что «может быть». Не настоящее это у тебя. Просто, потому что надо и хочется. А настоящего дождаться надо...

Маня. Гадина ты, Маша! Я с тобой, как с человеком, а ты со мной, как свинья!

Маша. Не обижайся ты, сама же начала...

Маня. Гнида!

Маша. Маруся, не ругайся...

Маня. Гнида и есть.

Маша. Маруся...

Маня. Я тогда тебе за это сейчас такое расскажу! Будешь знать! *(Пауза.)* Не дождешься ты своего настоящего! Умер давно твой настоящий! Всё!

Маша. Пашка?

Маня. Вошка! Конечно, Пашка, кто еще? Не жди ты его. Не доехали они до фронта, все сгорели. Савич рассказала. Разбомбили товарняк прямо на станции, а в нем снаряды были. Вот они и сгорели. Все!

Маша. И Паша?

Маня. И Паша! Все...

Маша опускает руки к полу, медленно сползает со стула, ложится на пол. Маня пробует что-то сказать, подойти к ней, но не решается и уходит. Пауза.

Сцена 5

Свет фокусируется на авансцене. Из чернильного мрака появляется Лариса Мондрус в сияющем белом платье, склоняется над Машей, гладит по волосам, присаживается рядом.

Маша. Паша сгорел!

Лариса. Я знаю.

Маша. Почему?

Лариса. Война.

Маша. А почему война?

Лариса. Такое время в мире.

Маша. А почему Паша?

Лариса. Гадина Гитлер так захотел.

Маша. Забоялся, что Пашка его убьет?

Лариса. Не в этом дело, Маша. Иногда мир очень запутывается и люди воюют.

Маша. Чтобы распутать мир?

Лариса. Да, чтоб исправить мир войной. Вычищают они его, уничтожают слишком расплодившихся гадин и снова живут в ясном мире.

Маша. Так Паша Гитлера и не убил... Жалко... Не успел он стать героем...

Лариса. Успел. Он совершил свой подвиг.

Маша. Как так? Когда?

Лариса. Он уже был героем, когда решился защитить тебя и родину... и свет...

Маша. Но его же нет уже на свете?

Лариса. Нет.

Маша. А кого мне ждать?

Лариса *(поет)*.

Для того, кто расстается
Только память остается.
Только груз прощальных слов.
Только до вагона сто шагов.
На прощанье дай мне руку.
Посмотри в глаза опять.
Эти сто шагов в разлуку
Сердцем я должна пересчитать.

Сто шагов.
Как длинны они.
Сто шагов.
Как трудны они.
Сто шагов.
Как до края земли
Передо мною пролегли.
Сто шагов
К расставанию.
Сто шагов
К ожиданию.

Сто шагов
Как начало пути.
Чтобы до новой встречи дойти.
Сто шагов
К расставанию.
Сто шагов
К ожиданию.
Сто шагов
Как начало пути.
Чтобы до новой встречи дойти.
Чтобы до новой встречи дойти.
Чтобы до новой встречи дойти.

(Р. Амирханян — А. Дмоховский)

Лариса и Маша уходят.

Сцена 6

Кухня в квартире Марии Александровны. На столе стоит раскрытый чемоданчик проигрывателя «Юность-301» и лежит несколько виниловых пластинок. За столом сидят обе старухи.

Мария Илларионовна *(снимая пластинку)*. Вот тебе твоя Лариса, раз уж любишь так ее. Дарю! А свою любимую Аидку я себе оставлю. Мне Ведищева больше нравится, она проще. Твоя, по правде говоря, какая-то стонотная.

Мария Александровна. Не стонотная она...

Мария Илларионовна. Ну, нудная...

Мария Александровна. Маруся, перестань! Опять поссоримся.

Мария Илларионовна. Прожили век душа в душу, а под старость лет расплюёмся что ли? Нет. Так не бывает. Ты — моя подружайка навовсе! Что уж нам теперь делить? *(Вкладывает пластинку в конверт.)* На-ка! С днем рождения!

Мария Александровна. Спасибо, Маня! Спасибо, родненькая! Но пусть уж лучше остается у тебя. Буду приходить к тебе и слушать. У меня ведь и проигрыватель то работает, то нет. Сейчас таких проигрывателей уже не выпускают. А песни Мондрус я и так все помню. Не с кем говорить, — сижу-пою, обмен кислорода происходит. *(Уходит за кулисы, приносит синий халат с цветочным орнаментом, одевает.)* Смотри, что мне Илюшечка прислал на день рождения!

Мария Илларионовна. Фланелевый? Красиво. Будто лён цветёт! Лён-конопель...

Мария Александровна. И пенсию опять еще одну. Теперь он каждый месяц вторую пенсию слать будет. А я не трачу, коплю.

Мария Илларионовна. Телевизор бы новый купила.

Мария Александровна. Да не люблю я телевизор, страшно смотреть. Пакостников народилось много, только их и показывают. Деньги славят, жирную жизнь рекламируют. Темное, сволочное племя у них получилось. Противные, громкие, наглые. Все, как тот младший Нуждин с первого этажа. Тревожно рядом с ними жить. Хоть дома их не видеть...

Мария Илларионовна. Что с этим сопляком-то у тебя?

Мария Александровна. Вчера чуть не прибила палкой. Стоит на лестнице, лыбится, окурком в стену тыкает.

Мария Илларионовна. Сволочь какая! Руки оборвать, собакам бросить!

Мария Александровна. Гадина, да... Домой пришла, весь вечер маялась давлением. Они и пьют, и пачкают в подъезде, и девок туда водят. Ночь-полночь — стоят, бубнят, а днем футбол пинают. Значит, не учатся и не работают. Наверное, воруют. Страшные они, эти молодые. Я же палку себе завела не потому, что ноги плохо ходят, а чтоб отбиться как-то было чем. Вот так, Маруся. Испереживалась вся.

Мария Илларионовна. Ты и взаправду не убей там никого. Я тебя знаю. Терпишь, терпишь, а потом как дашь! И понеслась душа в рай, ноги в комендатуру! Подожди, или обыгается он, или в тюрьму поедет. Тогда двор снова тихим станет. Это так всегда бывает: нахлебаешься плохого, вот и будет хорошо.

Мария Александровна. Твои слова, да богу в уши!

Мария Илларионовна. Какому богу? Ты же не веришь.

Мария Александровна. Не верю. Поздно уже верить начинать. Но что-то такое, кажется, есть. Я же крещенная. Когда нас привезли, на мне же крестик был.

Мария Илларионовна. Шаркунок на тебе был!

Мария Александровна. И крестик тоже.

Мария Илларионовна. Не помню крестика.

Мария Александровна. И я не помню. Это мне потом в детдоме рассказали, когда я ездила про день рожденья узнавать, и про наши отчества.

Мария Илларионовна. И что узнала?

Мария Александровна. Как, что? Ты что, забыла?

Мария Илларионовна. Забыла! Расскажи.

Мария Александровна. «Отчество и дата рождения записаны со слов воспитанника». Вот. Одинаковая запись у нас во всех карточках у всего отряда проставлена.

Мария Илларионовна. А фамилия?

Мария Александровна. Савич.

Мария Илларионовна. Да... Савич... На себя нас записала... Крепкая такая была баба, а как быстро умерла...

Мария Александровна. Не ела ничего, всё нас кормила. У хлеба и без хлеба. *(Пауза.)* Помнишь, как много умерло в войну, как тяжко было всем в эвакуации, но ведь не страшно было жить? А сегодня — страшно... Не то что боязно, а просто оторопь берет! Жутко бывает даже в поликлинику сходить, или в собес, или к зубному...

Мария Илларионовна. А что такого-то? Всё. Наше время прошло. Мир страшно поменялся, Маша. Новое время идет. Про нашу войну почти никто не помнит. Никто из современных нас с тобой не видит. Ничегошеньки они о нас не знают. Им теперь что Сталинград, что Куликово поле, что Мамаево побоище. История в учебник.

Мария Александровна. Опять запутывается мир... Ой, не довели бы эти молодые до войны опять.

Мария Илларионовна. Не эти, так другие доведут. А мы с тобой наверняка уже помрем к тому времени. Оно и хорошо, новой войны не увидим. Изживает нас время. Ждали-ждали будущего... Прожили в нужде... Робили-робили и ждали... Дождались! *(Пауза.)* Илья что пишет?

Мария Александровна. Все нормально у него. Работает. Какой-то дорогой проект у него опять. Хорошо зарабатывает.

Мария Илларионовна. Не женился?

Мария Александровна. Нет. Не женится, не хочет...

Мария Илларионовна. Девчат не любит?

Мария Александровна. Наоборот.

Мария Илларионовна. Неужели, бабник?

Мария Александровна. Нет, что ты.

Мария Илларионовна. Точно, бабник!

Мария Александровна. Маня, перестань. У тебя же у самой вон сколько было парней, что-то замуж не пошла ни разу...

Мария Илларионовна. Потому что нормального ни разу не было...

Мария Александровна. Вот и у него нормальной не было ни разу...

Мария Илларионовна. Вот из-за таких как твой сыночек у меня семьи не вышло. Такие замуж не зовут.

Мария Александровна. Не надо, Маня. Разругаемся. Сама же виновата...

Мария Илларионовна. Не надо, так не надо. Пойду-ка, покурю я на лестницу...

Мария Александровна. Курила бы ты в ванной. Там и баночка твоя стоит. А то ворчим на молодежь, а сами...

Мария Илларионовна. Не-не-не. Мне в ванной душно. *(Уходит.)*

Мария Александровна достает из конверта пластинку, включает проигрыватель. На подиум выходит Аида Ведищева.

Аида Ведищева *(поет)*.

Будет дождь гасить фонари
И мороз под утро придет.
И тогда смотри да смотри —
Гололёд, гололёд.
Экономят дворники соль
И опять у наших ворот
Каждый шаг неверен, как сон —
Гололёд, гололёд.

А люди в городе гуляют по льду
И не считают гололёд за беду.
И только мне одной мешает зима.
А, может быть, я виновата сама?
Лишь я сама, лишь я сама, лишь я сама.
А люди в городе гуляют по льду
И только я как по канату иду.
«Не упади» — предупреждает зима.
А, может быть, твержу я это сама?
Лишь я сама, лишь я сама, лишь я сама.

Снилось мне, что друга найду.
Он под руку крепко возьмет.
Сколько лет одна я иду...
Гололёд, гололёд.
Горький дым разлук и потерь
Над моей дорогой плывет.
Даже летом снится теперь
Гололёд, гололёд.

А люди в городе гуляют по льду
И не считают гололёд за беду.
И только мне одной мешает зима.
А, может быть, я виновата сама?
Лишь я сама, лишь я сама, лишь я сама.
А люди в городе гуляют по льду
И только я как по канату иду.
«Не упади» — предупреждает зима.
А, может быть, твержу я это сама?
Лишь я сама, лишь я сама, лишь я сама.
А люди в городе гуляют по льду
И не считают гололёд за беду.
И только мне одной мешает зима.

А, может быть, я виновата сама?
Лишь я сама, лишь я сама, лишь я сама.

(А. Зацепин — Л. Дербенев)

Сцена 7

Та же кухня. Прибегает Мария Илларионовна с зажженной сигаретой.

Мария Александровна. Куда ты с папиросой?

Мария Илларионовна. Не ори. Там этот твой у ящиков упал!

Мария Александровна. Кто?

Мария Илларионовна. Ну... Этот... Сын Наташки Нуждиной... Никитка...

Мария Александровна. Как упал?

Мария Илларионовна. Лежит, не дышит. Нашатырь у тебя есть? Пьяный он, поди.

Мария Александровна стремительно уходит. Мария Илларионовна садится, гасит сигарету, выключает проигрыватель, собирает пластинки в аккуратную стопку.

Мария Александровна *(кричит из-за кулис)*. Маруся, помоги!

Мария Илларионовна. Ты что, сюда его волочишь? Дура, что ли?

Мария Александровна. Да помоги же! Уроню сейчас!

Мария Илларионовна выходит и почти сразу возвращается, помогая подруге нести расслабленное тело Никиты. Старухи суетливо сдвигают стулья, укладывают на них подростка, приносят подушку, нашатырь, тонометр, лекарства, одеяло.

Мария Илларионовна. Ну что? Живой?

Мария Александровна. Живой, но очень слабенький.

Мария Илларионовна. А ты у нас, оказывается, еще резвушка. Вон как сиганула вперед тапок! Как ты такого кабана по лестнице-то дотащила? Правильно, костыль тебе не нужен. Дашь поносить?

Мария Александровна. Что поносить?

Мария Илларионовна. Костыль!

Мария Александровна. Маруся, прекрати! Не время твоим шуткам. Нашатырь давай. *(Подносит ватку с нашатырным спиртом к носу Никиты, тот приходит в себя, садится.)*

Никита *(удивленно)*. Бабки... Бабки... Хы-хы... Бабули, где бабло? Хы... Бабло... Бабосы... Бабки...

Мария Илларионовна. Бредит. *(Снимает с Никиты куртку, кладет на пол.)* В какой-то дряни вымазался весь, а ты его на диван хотела. Скажи ты мне на милость, мы за каким рожном его сюда приволокли? Вызвали бы «скорую» и делу — край!

Мария Александровна. Жалко же его.

Мария Илларионовна. Что-то он тебя не жалел, гадил вовсю.

Никита. Бабки...

Мария Илларионовна. Да, бабки! Где ты так набрался, бестолочь? *(Внимательно рассматривает лицо Никиты, принюхивается.)* Так он не пьяный!

Мария Александровна. А... как же?..

Мария Илларионовна. Так же! Он — вмазанный!

Мария Александровна. Как?

Мария Илларионовна. Ну, под наркотиком он. Понимаешь? Глаз нет, и водкой не пахнет. Ой! Зря мы его сюда притарабанили. Но мы не виноваты, мы не знали. Ну, ладно, «скорой» всё расскажем, а милицию они сами вызовут. Сначала в наркологию свезут, там откачают, а потом в колонию пристроят.

Никита. Не надо...

Мария Илларионовна. Надо-надо! В колонию поедешь, там тебя полечат. Мы хоть отдохнем от твоих пакостей. И будет нам хороший тихий двор. Это, Машка, к дню рождения тебе подарочек такой. Смотри, как быстро всё решилось. Будто кто-то нас с тобой услышал.

Никита. Бабки...

Мария Илларионовна. Помолчал бы ты, идиота кусок! Мы тебе не бабки! Мы, между прочим, ветеранки труда обе!

Никита. Бабки-ветеранки... Хы...

Мария Илларионовна. Оклёмывается вроде, хамить начал. Неси телефон.

Никита *(плачет)*. Не надо... *(Пауза.)*

Мария Александровна. Не надо, Маня. *(Пауза.)* Пусть пока здесь побудет. *(Измеряет Никите давление.)* На илюшкином диване ему постелю. Давление почти нормальное. К утру проспится. Не надо пока «скорых»... и колоний...

Мария Илларионовна. С ума сошла! А если он тебя обчистит или сдохнет прямо на диване? Что будешь делать? Что милиции расскажешь?

Мария Александровна. Успокойся, Маня. Милиция здесь не поможет. А ему надо помогать...

Мария Илларионовна. Добрая очень, да?.. А я при нем здесь ночевать не буду!

Мария Александровна. Ну и не ночуй.

Мария Илларионовна. Ну и не буду. Вот же упрямая какая! Так бы и вмазала тебе твоим же костылем! Сама боишься молодых, а сама к ним лезешь.

Мария Александровна. Маруся, ты же сама тоже беспризорничала.

Мария Илларионовна. Тогда другое время было, и не было у меня ни папы, ни мамы. А эти беспризорничают при живых родителях. Воруют обыкновенно или с голоду, или с жиру. Так вот эти — с жиру бесятся! Нечего их, гадин, с нами сравнивать. У нас совсем всё по-другому было. Не хочешь ты, так я сама из дома позвоню!

Мария Александровна. Не смей!

Мария Илларионовна. Что ты разоралась, как дурак?

Мария Александровна. Не надо, Маня, не звони.

Мария Илларионовна. Ну и пожалуйста! Совсем плохая стала! Ума-то нет, считай — калека. Ох, Машка, хлебанёшь ты с ним! Век прожила, мозгов не нажила. Думаешь, хорошая, да? А наоборот, сама себе всё портишь! Имей в виду, я тебя из этой глупости вытаскивать не буду. Я вообще с тобой не буду разговаривать!

Мария Александровна. Ну и не разговаривай.

Мария Илларионовна. Ну и не буду. Поперхнешься своей добротой! *(Уходит.)*

Никита. А вы кто?

Мария Александровна. Тетя Маша.

Никита. А она кто?

Мария Александровна. Тоже тетя Маша. Не узнал?

Никита. Узнал. А я где?

Мария Александровна. У меня на третьем этаже. Кушать будешь?

Никита. Не-а... Не хочу.

Мария Александровна. Плохо тебе, да?

Никита. Плохо.

Мария Александровна. Что-то болит?

Никита. Болит. Голова.

Мария Александровна. Давление немножко повышенное у тебя. Сейчас попьешь таблетки, голова пройдет. *(Готовит лекарства.)* Но только по половинке, они у меня сильные. Попьем таблеточки? Хорошо?

Никита. Хорошо. *(Выпивает лекарства.)* Я во двор пойду сидеть.

Мария Александровна. Почему не домой?

Никита. Там пока у мамы гости. Туда пока нельзя.

Мария Александровна. Как она тебя так поздно гулять отпускает?

Никита. Гости у нее.

Мария Александровна. Понятно. *(Пауза.)* Не надо, Никита, не ходи Посиди пока здесь. После таблеток лучше бы вообще поспать. Яблоко хочешь?

Никита. Да.

Мария Александровна. Ух, какое у нас яблочко! Сладкое, красивое...

Никита *(улыбаясь)*. Вкусное...

Мария Александровна. Кушай, кушай. Пойдем-ка, постелю тебе, поспишь немного.

Никита. Пойдем. *(Указывает на проигрыватель и пластинки.)* А это что?

Мария Александровна. Проигрыватель.

Никита. А он зачем?

Мария Александровна. Пластинки слушать. Или как там они у вас теперь называются? Диски?

Никита. Вот это диски?!

Мария Александровна. Да. Послушаем?

Никита. Прикольно.

Мария Александровна включает проигрыватель, ставит пластинку, уводит Никиту. На подиум выходит Аида Ведищева.

Аида Ведищева *(поет)*.

Ложкой снег мешая,
Ночь идёт большая,
Что же ты, глупышка, не спишь?
Спят твои соседи —
Белые медведи,
Спи скорей и ты, малыш.
Мы плывём на льдине,
Как на бригантине,
По седым, суровым морям.
И всю ночь соседи,
Звёздные медведи
Светят дальним кораблям.

(Е. Крылатов — Ю. Яковлев)

К финалу песни за стол усаживается Мария Илларионовна. Вслед за ней входит Мария Александровна.

Мария Илларионовна. Так... Дверь закрывать не пробовала?

Мария Александровна. Вернулась? Вот и хорошо!

Мария Илларионовна. Как тут не вернуться, когда такое деется? Тебя, упрямую кулёму, без присмотра оставлять никак нельзя. Ведь даже двери не закрыла! А если его банда налетит? *(Пауза.)* И где же он теперь, кукушкин сын?

Мария Александровна. Заснул.

Мария Илларионовна. Так ты его оставила? Вот дура!

Мария Александровна. Оставила, Маруся, не ругайся. Нет у него никакой банды. Просто несчастный мальчишка. Все дружки по домам давно спят, а он колобродит. Наташка пьет с мужиками, в дом только после двух пускает, вот он и пасется во дворе. И не наркоман он. Попробовал сегодня в первый раз, вот и стало плохо. Отравился. Он больше не будет.

Мария Илларионовна. Ага... Не будет... Ты ему верь побольше. Как бы он тебя не отравил. Придется ночь с тобой сидеть, караулить. Ты там, в комнате, всё дорогое прибери, а пенсию в белье припрячь от греха подальше.

Мария Александровна. Спрятала уже. Но я почему-то его не боюсь. Маленький он. Снаружи вон как вымахал, а душонка еще крохотная, неразумная. Бродячий ребенок.

Мария Илларионовна. Вечная мамка ты, Машка. Илюшка внуками не подарил, так ты на улице их собираешь. Вторая пенсия, конечно, хорошо, но лучше бы внучка сподобил, сыночка твой ненаглядный. Сайгачит по своим москвам...

Мария Александровна. Одинокий он у меня, похоже. Какие уж тут внуки? Душа вся изболелась. Всё проекты да проекты, и ни слова о подругах. Проекты старость не утешат.

Мария Илларионовна. Что с мелким будешь делать? Вижу ведь, вцепилась. Наташку непутёвую, поди, поправь; а он — ей сын, он тоже будет непутёвым. Одного поля ягодицы.

Мария Александровна. Пока буду кормить и утешать. Что еще делать?

Мария Илларионовна. Ты точно знаешь, что его лечить не надо? Я же догадалась, что оставишь, сразу с Любушкой Орловой сговорилась, она и на дому полечит, и в милицию не донесёт. Но не обижайся, всё ей рассказала: как он двери тебе мазал, как спалил газеты в ящике, как письма воровал, как названивал и убегал, как снег в окно кидал. Все выкрутасы доложила, Люба теперь тоже знает. Может, подлечить?

Мария Александровна. Не надо, Маня. Пойдем спать.

Мария Илларионовна. По очереди спать сегодня будем. Ладно уж, сначала подежурю до пяти. Ты ложись, а я твою Лариску «нестонотную» послушаю.

Мария Александровна. Не стонотная она!

Мария Илларионовна. Вот я и говорю.

Мария Александровна уходит. Мария Илларионовна ставит пластинку.

Сцена 8

На подиум выходит Лариса Мондрус.

Лариса Мондрус *(поет)*.

Улетают опять журавли,
Чуя близость морозов и вьюг.
Улетают туда, где вдали
За горами находится юг.
Я стою на дороге одна,
Наблюдаю за ними с печалью.
И шепчу: «Журавли, журавли,
Я вас снова весной повстречаю!»
Так уходят в былое года.
Знаю — юность уже не вернется.

И кто жизнь полюбил навсегда —
Молодым тот душой остается.
Остается молодым!
Улетают опять журавли,
Чуя близость морозов и вьюг.
Улетают туда, где вдали
За горами находится юг.
Я стою на дороге одна,
И не чувствую больше печали.
Я шепчу: «Журавли, журавли,
Я вас снова весной повстречаю!
Повстречаю весной журавли!»

(Ю. Турнянский — М. Петренко)

Кабинет в заводоуправлении. За столом сидит Сергей Ильич. Входит Илья.

Илья. Вы позволите?

Сергей Ильич. Чего?

Илья. Можно?

Сергей Ильич. А... Можно.

Илья. Моя фамилия Савич. Бухгалтерия сказала к вам зайти. Признаться, я не очень понимаю, при чем здесь совет ветеранов. Но у меня еще к вам дело небольшое. Вы уж простите...

Сергей Ильич. Не прощу! Почему пособие столько времени не получаешь? Второй месяц как выделено, а ты где-то ходишь. Богатый, что ли? Совсем разболтались! Государство им помогает, а они нос воротят!

Илья. Почему вы на меня кричите? Я, кажется, не давал никакого повода...

Сергей Ильич. Чего? А деньги не берешь, это не повод? С этими Савичами одна нервотрёпка, ни одну ещё нормально не схоронили. А то, что денег мало, так это — по закону. На большее не заработали. У нас на памятник положено давать только заслуженным людям, а этих Савичей нам полдетдома привезли в войну. Не будет им памятников, я против!

Илья. Да я уже получил пособие.

Сергей Ильич. Как получил? Я же распорядился не давать без моей визы. Выдали, да? Вот работницы... Вот кулёмы... Ну, и что же тебе надо?

Илья. Ничего не надо. Посмотреть на вас хотел.

Сергей Ильич. Зачем?

Илья. Интересно. Такой известный и статусный человек. Экс-директор. Мечтал познакомиться. Ваша фамилия Одоевский?

Сергей Ильич. Одоевский Сергей Ильич.

Илья. Вы мне и нужны.

Сергей Ильич. Зачем?

Илья. Сергей Ильич, а вам-то памятник положен? Вы о себе-то не забыли? Вам бы в дополнительное пособие неплохо бы еще немного денег на оградку заложить, и на два льготных венка. Как же такой заслуженный труп будет без оградки лежать? Не солидно.

Сергей Ильич. Чего?

Илья. И подскажите вашим бухгалтерским работницам, чтоб только одну сумму сразу называли, а то они у вас в показаниях часто путаются. Тысяча туда-сюда у них плавает. Проколются когда-нибудь.

Сергей Ильич. Ты над кем, щенок, издеваешься?

Илья. Над вами, о, сиятельный покойник!

Сергей Ильич. Чего несёшь? Какой покойник?

Илья. Перспективный. А пока вы живы, отдайте шаркунок и я пойду.

Сергей Ильич. Шаркунок?

Пауза.

Илья. Мать говорила, он у вас.

Сергей Ильич. А... Вот в чем дело. Как тебя зовут?

Илья. Илья Сергеевич.

Сергей Ильич. А я тебя не признаю! Нет у меня такого сына!

Илья. Признаться, я вас тоже не признаю. Не нужен мне такой отец. Верните шаркунок, и можете дальше готовить свои похоронные льготы. Я сразу уйду. Отдайте.

Сергей Ильич. Что мать, что сын, дебилы оба. Молятся какой-то берестяной погремушке. Забери ты его, больно нужен он мне. Только сначала свидетельство о рождении предъяви. Хочу посмотреть документы. Значит, она действительно на меня записала?

Илья. Ничего я предъявлять не стану, имени достаточно. Бухгалтерша мой паспорт отсканировала, поинтересуйтесь. Давайте шаркунок и попрощаемся. Он у вас здесь? Или мне завтра подойти? Он в чайной жестяной коробке. Коробку можете себе оставить.

Сергей Ильич. Здесь он... *(Пауза.)* Подожди... Как-то не по-людски всё это. Что мы орем-то? Ты кем работаешь?

Илья. Я архитектор.

Сергей Ильич. И ВУЗ закончил?

Илья. Два.

Сергей Ильич. В каком районе проживаешь?

Илья. На Багратионовской.

Сергей Ильич. Это где это?

Илья. В Москве.

Сергей Ильич. В Москве? Ну, надо же... Женат?

Илья. Нет, холост. Военнообязанный. Детей нет.

Сергей Ильич. А что не женишься? Девчат не любишь?

Илья. Наоборот.

Сергей Ильич. Квартиру материну будешь продавать?

Илья. Уже поставил на продажу.

Сергей Ильич. Полгодика назад я бы купил. Но мне сейчас не надо. Я все свои своим уже переписал. Рассорятся, если еще одну возьму.

Илья. Поздравляю.

Сергей Ильич. Спасибо. Дай свой телефон. Я в Москву езжу, повидаемся.

Илья. Сначала шаркунок.

Сергей Ильич. Как мать упрямый, гордый. *(Достает из ящика стола небольшую коробку, передает Илье.)* Хочешь, я тебе одну квартиру завещаю?

Илья. Благодарю, не надо. Я свое наследство получил. У меня мой шаркуночек есть. Всего вам доброго.

Сергей Ильич. Подожди... *(Пауза.)*

Илья. Жду. *(Пауза.)*

Сергей Ильич. Это самое... Ты хороший человек? Как ты живешь?

Илья. Нормально. Я добр и честен. Говорю об этом не смущаясь, потому что это — правда. Может быть, излишне слаб. Возможно, невеликого ума. Я недостаточно хитёр и изворотлив. Здесь я в маму. Я фатально небогат. Я часто одинок. Я много помогаю друзьям. Я пробую гармонизировать пространства жизни людей, и убежден, что это исправляет им души. Не тужьтесь, этого не надо понимать. Просто поверьте, это — очень хорошее и нужное дело. А еще я внимательно смотрю за тем, чтобы мое небольшое благополучие не стоило другим не то что слёз, а даже элементарного неудобства. И в этом я в маму. Ах, да... Я не замаран скупкой акций за гроши у тысячи наивных старух, по сути, построивших этот завод...

Сергей Ильич. Времена тогда такие были, все скупали... Завод банкротился... Мы не могли им больше дать, их очень много ещё было...

Илья. Честнее формулируйте. Здесь, в нашем разговоре, можно и не врать. Именно тогда, именно вы обанкротили завод. Ведь так?

Сергей Ильич. Что ты в этом понимаешь?

Илья. Верно, ничего я в ваших приватизационных пасьянсах не смыслю. Одно понять хочу, как из отдельных генеральских кабинетов сваливаются в проходные комнатушки совета ветеранов? Возраст одолел? Хватку потеряли? Молодой партнер оттёр? Или маразм окреп?

Сергей Ильич. Пошел ты нахер! Что ты понимаешь? Всё не так...

Илья. Пойду. Прощайте.

Сергей Ильич. Подожди, а телефон?

Илья. Зачем? Я не хочу вас больше видеть. Я вас не признаю. Всего вам доброго. *(Уходит.)*

Сцена 9

На подиуме вновь появляется Лариса Мондрус.

Лариса Мондрус *(поет).*

Может напрасно
Ночью и днем
Прошлая осень
В сердце моем?
Может напрасно
Мне ветер приносит
Глупую сказку,
Что ты придешь.
Там за окошком,
На прошлую осень
Очень похож только дождь,
Только дождь.

Прошлая осень,
Прошлая боль.
Прошлая осень —
Встреча с тобой.
Может напрасно
Мне ветер приносит
Глупую сказку,
Что ты придешь.
Там за окошком,
На прошлую осень
Очень похож только дождь,
Только дождь.

Ливням и грозам,
Дням и годам
Прошлую осень
Я не отдам.
Может напрасно
Мне ветер приносит
Глупую сказку,
Что ты придешь.

Там за окошком,
На прошлую осень
Очень похож только дождь,
Только дождь.

(А. Бабаджанян — Р. Рождественский)

Мусорная площадка во дворе. В контейнере копается Никита, у его ног стоят два пакета с пустыми бутылками. Из левой кулисы выходит Илья, выбрасывает мусор, кладет рядом с контейнером стопку книг, перевязанную бечевкой. Некоторое время смотрит на Никиту, хватает за шиворот, ударяет о контейнер.

Илья. Нравится? Могу ещё!

Никита *(пытаясь вырваться)*. За что?

Илья. По-твоему, не за что? *(Опять ударяет.)* Марии Александровне сегодня сорок дней. *(Ударяет.)* Это она тебе, сучёныш, так привет передает. *(Ударяет.)*

Никита. Что за Мария? Я ее не знаю!

Илья. А бабку с третьего этажа знаешь? Ты же Никита? Это же ты с беспомощной старухой воевал!..

Никита. Никита... Я не воевал...

Илья. Трусливая и лживая скотина...

Никита *(вырвавшись и отбежав за контейнер)*. Я не скотина! Я ее любил!

Илья. Что ты сказал?

Никита *(срываясь на крик)*. Любил! Любил! Любил! Я даже маму так не любил, как бабу Машу! Только она мне помогала! Она пускала телевизор посмотреть, уроки делать, ночевать. Она была хорошая, как бабушка.

Илья. Бабушка? Любил? Ты врешь?

Никита. Я не вру! Я любил! Она меня в школу ходить заставляла, и кормила всегда. Зачем мне врать? Она добрая была.

Илья. Ничего не понимаю. Мне говорили, ты ей двери пачкал, поджигал почту...

Никита. Это я сначала, когда маленьким дураком был... А потом я извинился.

Илья. Боже мой! Прости. Ты долго к ней ходил? Год? Больше?

Никита. Наверно, год...

Илья. Прости.

Никита. А вы кто?

Илья. Я ее сын.

Никита. Илья?

Илья. Илья.

Никита. А я Никита.

Илья. Я это уже понял.

Никита. А она мне ваши письма читала и подарки показывала. И еще рассказывала, как вы вторую пенсию ей присылали.

Илья. Ничего я не дарил... не присылал... Писал редко.

Никита. Дарили, дарили. Она мне рассказала.

Илья. Дарил, но редко...

Никита. Она вам про меня не говорила что ли?

Илья. Мы с ней не разговаривали толком больше года.

Никита. А почему?

Илья. Дела... Проекты сложные... Проблемы...

Никита. Надо было поговорить.

Илья. Надо было...

Никита осторожно подходит к Илье, видит связку книг.

Никита. Это мои учебники.

Илья. Твои? *(Пауза.)* А, вот они откуда! Я было подумал, что у нее маразм случился. Решил, что внукам покупала впрок...

Никита. Мои.

Илья. Забирай.

Никита. Да мне они не надо, я уже в школу не хожу. А вы в Москве живете?

Илья. Ага, в Москве.

Никита. Скоро уедете?

Илья. Уеду. Вот продам квартиру и уеду.

Никита. Скажете, где у нее могила? Я буду к ней ходить, ухаживать. *(Пауза.)*

Илья. Поехали сейчас.

Никита. Вечер же... и дождик...

Илья. Ну и что? Поехали?

Никита. Поехали.

Илья и Никита выбрасывают пакеты с бутылками в контейнер и, забрав учебники, скрываются в кулисах.

Сцена 10

На подиум выходит Аида Ведищева.

Аида Ведищева *(поет).*

Осенью, в дождливый серый день,
Проскакал по городу олень.
Он летел над гулкой мостовой
Рыжим лесом, пущенной стрелой.

Вернись, лесной олень,
По моему хотенью,
Умчи меня, олень,
В свою страну оленью.
Где сосны рвутся в небо,
Где быль живёт и небыль,
Умчи меня туда, лесной олень.

Он бежал, и сильные рога
Задевали тучи, облака.
И казалось, будто бы над ним
Становилось небо голубым.

Вернись, лесной олень,
По моему хотенью,
Умчи меня, олень,
В свою страну оленью.
Где сосны рвутся в небо,
Где быль живёт и небыль,
Умчи меня туда, лесной олень.

Говорят, чудес на свете нет,
И дождями смыт оленя след.
Только знаю, он ко мне придёт,
Если веришь, сказка оживёт.

Со мной лесной олень
По моему хотенью,
И мчит меня олень
В свою страну оленью.
Где сосны рвутся в небо,
Где быль живет и небыль,
Он мчит меня туда, лесной олень.

(Е. Крылатов — Ю. Энтин)

Кухня в квартире Марии Александровны. На столе стоит черный дисковый телефонный аппарат. Мария Александровна набирает номер.

Мария Александровна. Маня, алло! Маня! Маруся! Ну, что ты молчишь? Сама трубку снимаешь, а сама молчишь. *(Пауза.)* Надо же... Всю жизнь тебя недолюбливала за ядовитый язык, а теперь как раз твоих ругачек очень не хватает. Никак не могу вспомнить, почему мы разругались. По поводу Илюши? Или Никиты? Зря ты заревновала. Я ведь и тебя люблю. Куда я без тебя, Маруся? Я скучаю. *(Пауза.)* Помнишь, как пятилетний Илюшка папку всё себе искал, когда на берегу в бараке жили? Помнишь, как по двору его ловили, вошку

мелкую, писклявую? А он носился и орал: «у меня новый папа!» Весь двор смеялся! И ты, и я, и «новый папа». Помнишь, как поймал эту «щенячью радость» наш дворник Башкирин, сцапал огромными ручищами, гаркнул «защекочу-защекочу», и посадил в вазон? Помнишь, там, у дровяников, рядом с пожарной бочкой, стоял зачем-то белый гипсовый вазон? Помнишь, как мы Илюшку из вазона доставали? Он всё пищал, а мы всё хохотали Помнишь? Я ведь об этом и не думала с тех пор, а вот сейчас вдруг вспомнила. Я знаю, что ты слушаешь. Ну, не молчи *уже! (Пауза.)* В окошко видела, ты в магазин ходила, значит, не болеешь. *(Пауза.)* Ну, ладно. Позвони мне, Маня. Я тебя люблю...

Мария Александровна кладет трубку, перебирает пластинки, аккуратно расставляет стулья, садится, встает и опять садится. На подиум выходит Лариса Мондрус и ансамбль. Звучит проигрыш.

Не надо, Лариса! Лучше давай поговорим.

Лариса Мондрус сходит с подиума, садится за стол. Музыканты уходят.

Лариса. Не грусти.

Мария Александровна. Илюшечка не пишет уже год...

Лариса. Я знаю. Ему просто удобнее звонить. Он очень много и трудно работает.

Мария Александровна. Одиноко ему там?

Лариса. Одиноко. Но у него там есть призвание. Он делает хорошее дело.

Мария Александровна. Да, мальчишкам это надо. Я поэтому и отпускала его всегда, не цеплялась, не прекословила. Ждала .. И теперь жду. А он меня не забыл?

Лариса. Нет. Он любит и помнит... Он вернется...

Мария Александровна. Скорее бы. Знаю, что не для себя детёнышей рожаем, для чужих людей. Но как же тяжко и тревожно ждать своего человечка.

Лариса. Не в этом дело, Маша. Ребенок рождается для мира. Для мира любви. Ты прожила, и будешь жить лишь в этом мире. Подожди, уже скоро.

Мария Александровна. Да... надо подождать. Я рождена для ожидания?

Лариса. Для ожидания любви.

Мария Александровна. А война будет?

Лариса. Войны у людей случаются, когда люди слишком часто и бесчувственно повторяют слово «любовь», когда они высокое светлое слово превращают в привычную пошлость.

Мария Александровна. Значит, будет новая война?

Лариса. Прости, не могу я тебе всего сказать. Ты скоро всё сама узнаешь.

Мария Александровна. А я дождусь любви когда-нибудь?

Лариса. Дождешься. Ты — прекрасный человек. Ты создаешь любовь вокруг себя. Своим запасом нежности ты утешаешь подругу. Ты не заметила,

а ведь спасла юную душу. Никита понесет твою любовь и доброту в новое время, как несет ее Илья.

Мария Александровна. А мое время уже прекратилось? Да?

Лариса. Я не могу об этом говорить. Но знай, — время не прекращается. Так что ты со своими любимыми будешь всегда. И помни, ты — любима! Это и есть жизнь!

Мария Александровна. Мне хорошо и не грустно... Получается, что я уже дождалась... Правильно?

Лариса *(поет)*.

Словно кораблю парус подарю
Я твоей любви.
Сто слепых ветров потопить ее
Чтоб не смогли.
Словно журавлю крылья подарю
Я твоей любви
Чтоб они тебя, словно журавля
К дому привели.

В какой бы край тебя судьба ни завела.
Сплетен бы каких тебе молва ни наплела —
Ты повторяй всегда
Древние слова, вечные слова.
Те слова заветные —
Я тебя люблю, я тебя люблю, я тебя люблю!

И когда сквозь мрак
Вспыхнет как маяк
Свет моей любви.
Смолкнет в небе гром.
Стихнет в море шторм.
Пройдут дожди.
На песках седых
Расцветут сады
От моей любви.
Это журавли через январи
Счастье принесли!

(Л. Гарин — Н. Олев)

Сцена 11

Кухня в квартире Марии Александровны. За столом сидит Никита, ест яблоко. Входит Илья, в его руках небольшая дорожная сумка и портфель.

Илья. Так... Руки мыть не пробовал?

Никита. Я мыл.

Илья. Мыл? Предъяви!

Никита *(смеясь)*. Ну, дядька! Мыл я, только плохо... *(Выходит.)*

Илья. Жулик!

Никита *(кричит из-за кулис)*. Я не жулик! Я просто ленивый пока!

Илья. Жулик и есть! Ленивый жулик! *(Трогает большой синяк под глазом и ссадину на щеке.)* Что там завтра у тебя по плану, деятель?

Никита *(возвращаясь к столу)*. Школа...

Илья. А сначала?

Никита *(смеясь)*. Ну, дядька! Всё я помню! Сначала заправить постель, позавтракать, почистить зубы, сходить в больницу к маме...

Илья. И оплатить счета. *(Опять прикасается к синяку.)*

Никита. И оплатить счета, я помню. Сильно болит?

Илья. Да нет, не очень. Больше чешется, зудится.

Никита. Зудится, значит, заживает. А ты смелый...

Илья. Ты не отвлекайся. Что будешь делать, если эти вдруг опять придут?

Никита. Кто?

Илья. Кто-кто... «Мамины гости»...

Никита. Сразу позвоню. Но что ты им сделаешь? Ты же в Москве будешь. *(Смеется.)* Будешь драться из Москвы по телефону?

Илья. Я знаю, что я сделаю, не беспокойся! Дверь...

Никита. Никому не открывать, говорить, что я закрыт, что через три часа приедет дядя и откроет, давать твой телефон.

Илья. В нижней квартире...

Никита. Обдирать обои, мусор выносить.

Илья. Уроки...

Никита. Делать каждый день, даже когда не задано.

Илья. Компьютер...

Никита. Не включать, пока не сделаю уроки, в сетке долго не висеть, часто писать тебе, в игрушки резаться не больше часа.

Илья. В больницу...

Никита. Ходить каждое утро, говорить с доктором, даже если он не хочет, потом сразу звонить тебе.

Илья. Ну, ладно. Вроде, не забыли ничего. Поеду я. *(Пауза.)* А в школе тебя хвалят. Но ты не очень обольщайся, хорошист великий. Не прогуливать — ни какая не доблесть. Это нормально, так оно и должно быть. Четверки -- это хорошо, а нам с тобой нужны только пятерки.

Никита. Дядька! Чо ты со мной как с маленьким-то?

Илья. Не чо, а что!

Никита. Ну что ты как с ребенком-то?

Илья. Вполне естественно. Тревожусь, понимаешь ли. Целый месяц будешь жить один на две квартиры. Не взрослый же...

Никита. Я взрослый!

Илья. Да уж, взрослый. Ладно, извини. Действительно, уж не ребенок, все ты понимаешь, Никита. Надеюсь, не случится ничего дурного. Вроде, всё предусмотрели. На выходные буду прилетать. А если генеральный нам проект подвинет, завтра прилечу. Так что не надейся, долго побалдеть не выйдет, в дверь могу войти в любой момент. Друзей...

Никита. В дом не водить и во дворе подолгу с ними не болтаться, и ничего не нюхать, не курить. А я и так не курю!

Илья. Честь тебе и хвала! Карту...

Никита. Из квартиры выносить только когда иду снимать деньги, код тридцать четыре сорок три, если потеряю, сразу позвонить тебе.

Илья *(улыбаясь)*. Вызубрил, сучёныш. Молодец!

Никита. Сам ты сучёныш, дядька. Что ты дразнишься?

Илья. Ну, просто молодец. Прости, это я так, дурачусь.

Никита. А у тебя какой проект в Москве?

Илья. Ты — теперь мой основной проект. Понимаешь? Я от тебя не отцеплюсь, пока не станешь человеком. А в перерывах буду заниматься или мостом, или офисным центром.

Никита. А если захотят купить эту квартиру? Насовсем в Москву уедешь?

Илья. Нет. Я ее снял с продажи.

Никита *(смеясь)*. Кого, Москву?

Илья. Квартиру!

Никита. А она большая?

Илья *(смеясь)*. Кто, Москва?

Никита. Ну, нет. Московская квартира.

Илья. Примерно такая же однушка. Ее быстро купят...

Никита. А... как же?

Илья. Так же! Всё, Никитка! Переселяюсь я домой! Решился! Совсем не думал, что сюда вернусь, даже мысли не допускал, казалось, что уехал навсегда. И вот, отважился. Здесь буду жить.

Никита. Здорово!

Илья. Я тоже рад. Мне хорошо и не грустно... Казалось бы, ничего особенного, просто задумал переехать, а как же стало ясно и легко.

Никита *(смеясь)*. Ой, ты же точно не отцепишься!

Илья *(смеясь)*. И не мечтай, не отцеплюсь! *(Смотрит на часы.)* У-у... Засиделись мы с тобой перед дорожкой, «основной проект»! Твой бестолковый дядька рискует крепко опоздать на регистрацию! Так... *(Вынимает*

из сумки чайную жестяную коробку, открывает, достает шаркунка.) Знаешь, что это такое?

Никита. О! Шаркунок! Я его знаю. Мне баба Маша про него всё рассказала. Ты где его нашел?

Илья. Не важно. Главное, что он вернулся. Теперь он будет жить у тебя! *(Передает коробку Никите.)* Ну, всё! Поехали?

Никита. Поехали!

Сцена 12

Илья и Никита остаются за столом. Звучит проигрыш. Свет фокусируется в центре подиума. За соседний стол присаживаются Сергей Ильич и Люба. На подиум выходит Лариса Мондрус.

Лариса Мондрус *(поет).*

Ходят волны на просторе,
То ли поле, то ли море
Синий лен.
Словно песня, словно пламя,
Словно небо под ногами —
Синий лен.
Тихим шорохом прибоя
Обручил меня с тобою
Синий лен.
Вновь мне сердце растревожил
На глаза твои похожий
Синий лен.

Из правой и левой кулисы выходят Маша и Маня. Их костюмы и грим точно повторяют облик Ларисы Мондрус (алые юбки чуть выше колен, алые приталенные жакеты, прически «бабетта»). Подпевают.

Ведь он волшебник, синий лен,
Нам снова сказки дарит он,
И наяву весь мир наполнен снами,
Может, просто шутит с нами
Синий лен?..
Горит, как пламя, синий лен,
И если ты в меня влюблен,
Твои глаза сияют добрым светом.
Виноват, наверно, в этом
Синий лен.

Словно нежными руками
Нас коснется лепестками
Синий лен.
В сердце снова вспыхнет пламя,
Станет тихими словами
Синий лен.
Ночь пройдет неслышно рядом,
Нас осыплет звездопадом
Синий лен...
Мы расстанемся с рассветом,
С нами будет знать об этом
Синий лен.

Из правой и левой кулисы выходят Мария Александровна и Мария Илларионовна. Их костюмы и грим также повторяют облик Ларисы Мондрус (те же алые юбки чуть выше колен, алые приталенные жакеты, прически «бабетта»). Подпевают.

Ведь он волшебник, синий лен,
Нам снова сказки дарит он,
И наяву весь мир наполнен снами,
Может, просто шутит с нами
Синий лен?..
Горит, как пламя, синий лен,
И если ты в меня влюблен,
Твои глаза сияют добрым светом.
Виноват, наверно, в этом
Синий лен.
Горит, как пламя, синий лен,
И если ты в меня влюблен,
Твои глаза сияют добрым светом.
Виноват, наверно, в этом
Синий лен.

(Р. Паулс — А. Круклис, русский текст А. Дмоховского)

Занавес.

УДК 82-2
ББК 84-6

С. Платон. Шаркунок. Пьеса. — Екатеринбург : Издательский Дом «Ажур», 2010. 40 с.

Мелодрама для традиционного театра «Шаркунок» — весьма нежное и трепетное сценическое повествование, своеобразный «театральный ноктюрн». Герой приезжает в родной город хоронить мать; осознает ключевые события ее жизни и реальность последнего года; встречается с отцом, совершенно чужим ему человеком; и вдруг в живущем по соседству подростке (вот уж, казалось бы, абсолютно чужом человеке) находит сына.

В пьесе 10 персонажей: 7 женских и 3 мужских роли, 12 музыкальных номеров, примерно 90 минут сценического времени.

Электронная версия текста высылается по запросу.
E-mail: **sergei_platonov@mail.ru**
Тел. +7 (343) 260-46-05.
Моб. +7-90287-59429.
Сайт: **www.sergeiplatonov.ru**, раздел «ТЕАТР».

Отпечатано с готового оригинал-макета в издательстве «Ажур»
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Подписано в печать 03.09.2010. Тираж 300 экз. Заказ № 03/09-1

Электронная версия текста
высылается по запросу:
sergei_platonov@mail.ru